

Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
Political Linguistics. 2023. No 2 (98).

УДК 81'25:81'42
 ББК Ш105.51+Ш118
 doi: 10.26170/1999-2629_2023_02_22

ГСНТИ 16.31.41; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Кан Синьюнь

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия,
 kangxinyun1994@163.com

Транскультурная модификация метафорических образов в русско-китайском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается проблема транскультурной модификации модели политической метафоры с зооморфным компонентом при переходе из русской лингвокультуры в китайскую. Объектом исследования выступает политический дискурс, представленный русскоязычными текстами медийного жанра и их переводами на китайский язык. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий при реализации в исходной и целевой культурах метафорических образов, для которых в качестве сферы-источника выступает животный мир, а сферой-мишенью — акторы политического дискурса. Теоретической базой исследования выступают основополагающие концепции в области теории номинации, теории политической коммуникации, теории метафоры и метафорического моделирования. Методологическим основанием работы является концепция переводческого пространства как синергетическая модель перевода, которая содержит иерархию критериев качества перевода в виде уровней гармоничности, таких как гармония, эквивалентность, адекватность, дисгармония. В статье основное внимание уделено природе политической метафоры в дискурсе оригинала и ее динамике в дискурсе перевода. В работе были соотнесены уровни гармоничности с результатами процесса транскультурной модификации модели политической метафоры. Было установлено, что полная реметафоризация приводит к гармоничному переводу, частичная реметафоризация — к эквивалентному переводу, нейтрализация метафорических смыслов означает достижение адекватности, а деметафоризация свидетельствует о переводческой дисгармонии. В ходе исследования не было обнаружено примеров дисгармонии. Как показали результаты анализа, зооморфная метафора широко используется в медийном дискурсе, ее трансляция из русской лингвокультуры в китайскую может протекать по различным сценариям, что оказывает влияние на прагматический потенциал политического дискурса и требует дальнейшего изучения с целью выявления принципов и обеспечения высокого качества перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, русский язык, китайский язык, лингвокультурология, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, зооморфные метафоры, транскультурная модификация, реметафоризация, переводческое пространство, гармоничный перевод.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кан Синьюнь, ассистент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод», Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614990, Россия, Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29; email: kangxinyun1994@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кан, Синьюнь. Транскультурная модификация метафорических образов в русско-китайском политическом дискурсе / Кан Синьюнь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 201–207. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_22.

Kang Xinyun

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, kangxinyun1994@163.com

Transcultural Modification of Metaphorical Images in the Russian-Chinese Political Discourse

ABSTRACT. The article discusses the issue of transcultural modification of political metaphor model with a zoomorphic component during transition from the Russian linguoculture into the Chinese one. The scope of the study covers the political discourse represented by the Russian-language media genre texts and their translation into the Chinese language. The aim of the study is to identify the similarities and differences during the realization of metaphorical images in the source and target cultures. These images correlate with the animal world as the source domain and the participants of political discourse as the target domain. Theoretically, the research is based on the fundamental concepts of the theory of nomination, the theory of political communication, and the theory of metaphor and metaphorical modeling. The methodological basis of the work is constituted by the conception of the translation space as a synergistic model of translation which contains a hierarchy of translation quality criteria in the form of levels of harmonization such as harmony, equivalence, adequacy and disharmony. The article focuses on the nature of political metaphor in the discourse of the original and its dynamics in the discourse of translation. The paper correlates the levels of harmonization with the results of the process of transcultural modification of the political metaphor model. It was found that complete re-metaphorization leads to the harmonious translation, partial re-metaphorization leads to the equivalent translation, neutralization of metaphorical meanings corresponds to the achievement of adequacy, and de-metaphorization demonstrates translation disharmony. No examples of disharmony have

© Кан Синьюнь, 2023

been found in the process of the study. As the results of the analysis show, zoomorphic metaphor is widely used in media discourse; its translation from the Russian into the Chinese linguoculture can precede according to various scenarios, which affects the pragmatic potential of political discourse and requires further study in order to ensure high quality translation.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian language, Chinese language, linguoculturology, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, zoomorphic metaphors, transcultural modification, re-metaphorization, translation space, harmonious translation.

AUTHOR'S INFORMATION: Kang Xinyun, Assistant Lecturer of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

FOR CITATION: Kang Xinyun. (2023). Transcultural Modification of Metaphorical Images in the Russian-Chinese Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (98), pp. 201-207. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_22.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из социально значимых гуманитарных задач современного когнитивного переводоведения является объяснение функционирования языка в культурной, социальной, политической жизни общества. Но если совокупность таких задач решается на материале разносистемных языков: русского и китайского, это придает особую актуальность проводимому исследованию.

В центре наших научных изысканий — транскультурная модификация модели политической метафоры.

В качестве объекта исследования выступает политический дискурс, предметом исследования является политическая метафора с зооморфным компонентом как неотъемлемый компонент политического дискурса, обладающего манипулятивными свойствами.

Цель исследования состоит в установлении сходств и различий в развертывании содержания политического дискурса оригинала и перевода при переносе политической метафоры из русской лингвокультуры в китайскую, а также уточнение способов, которыми пользуется переводчик в процессе трансляции метафорических смыслов.

Достижение поставленной цели требует последовательного решения следующих задач: изучение политического дискурса, содержащего политическую метафору; изучение теории когнитивной метафоры и особенностей метафорического моделирования в политическом дискурсе; выявление и интерпретация русскоязычной политической метафоры; лингвопереводческий анализ политической метафоры в дискурсе перевода; интерпретация результатов анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целесообразное в контексте данной проблемы понимание когнитивно-синергетического подхода к анализу политического дискурса формируется на основе концепции переводческого пространства Л. В. Кушниковой, содержащего новую аксиологическую

доминанту перевода — категорию гармонии, которая зиждется на смысловой соразмерности текстов и дискурсов оригинала и перевода. Согласно данной концепции, тексты являются гармоничными, если они культуросообразны и природосообразны. В этом случае текст перевода становится фактом принимающей культуры и естественным образом включается в нее.

Представим кратко концепцию, которую автор активно разрабатывает начиная с 2003 г., когда была опубликована первая статья, представляющая синергетическую модель перевода [Кушникова 2003 и др.]. Автор выдвинул идею о существовании и динамическом развитии переводческого пространства, в которое попадает текст, подлежащий переводу. В дальнейшем эта идея получила развитие в диссертационных исследованиях аспирантов и соискателей [Хайдарова 2008; Назмутдинова 2008; Гончар 2009; Енбаева 2009; Георгиева 2013; Юзманов 2013; Пылаева 2015; Ушакова 2017; Пластинина 2018; Криворучко 2019; Глаголев 2022].

В переводческом пространстве, состоящем из ядра и периферийных смысловых полей, происходит транспонирование гетерогенных смыслов. В качестве ядра выступает содержание текста и формируемый в нем фактуальный смысл, который является единственным эксплицитным смыслом. На периферии расположены два текстовых поля: энергетическое и фатическое и соответствующие им эмотивные и когнитивные смыслы; и три поля субъектов: автора, переводчика, реципиента. В поле автора формируется интенциональный смысл, в поле переводчика — индивидуально-образный смысл, в поле реципиента — рефлексивный смысл. Суть переводческого пространства состоит в том, что смысл текста/дискурса перевода является не суммой смыслов всех его полей, но результатом синергии, выраженной приращением новых смыслов, естественно воспринимаемых реципиентами целевой культуры. Именно такой перевод признается гармоничным. Автор концепции подчеркивает, что весь текст не может и не должен

быть переведен гармонично. Гармония как смысловая целесообразность востребована в случае возникновения переводческих трудностей, что требует размышлений, эмпатии, рефлексии и пр. Это означает, что корректный перевод предполагает и эквивалентные, и адекватные отношения между текстами оригинала и перевода. Недопустимы лишь отношения дисгармонии, которая расценивается как проявление переводческой ошибки, несоответствия, неточности, погрешности.

Переводческое пространство помогает переводчику овладеть гармоничным переводческим мировоззрением и особой переводческой картиной мира. В каждой конкретной переводческой ситуации переводческая картина мира дополняется метафорической, политической, национальной картиной мира, что приводит его к гармонии [Кушнира 2020].

Анализируя процесс трансляции метафорических смыслов из русской лингвокультуры в китайскую на примере различных типов дискурса, мы предположили, каким может быть соотношение критериев гармоничности и уровня метафоричности, что будет проиллюстрировано ниже.

В качестве теоретического источника работы выступает теория политической коммуникации и политического дискурса, сущностные характеристики которых изложены А. П. Чудиновым, Е. И. Шейгал, Д. В. Шапочкиным и др.

Согласно Е. И. Шейгал, политический дискурс относится к институциональной сфере общения. Ученый выявляет парадоксальные, на первый взгляд, тенденции политического дискурса, а именно его стремление к понятийной точности и к смысловой неопределенности [Шейгал 2004]. Представляется, что именно эта двойственность успешно разрешается благодаря метафоричности политического дискурса, к которой прибегают политические деятели.

Исследуя национальное политическое сознание, А. П. Чудинов вводит понятие языковой политической картины мира, формируемой совокупностью политических концептов, ценностей и стереотипов, что позволяет сформулировать понятийный аппарат, дискурсивные функции и характеристики политической коммуникации, а также рассмотреть политическую метафорику [Чудинов 2006].

Д. И. Шапочкин исследует политическую языковую личность и раскрывает речевые доминанты в стратегиях публичного дискурса: использование символов, созвучных массовому сознанию; знание фона, сюжетных схем,

успешных логических переходов, бытующих в данный период; использование пресуппозиций и импликаций; уклонение; усиление, сдвиг, контраст и др. [Шапочкин 2012].

В своей работе мы опираемся на теорию когнитивной метафоры. Современная отечественная метафорология базируется на классической концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также на работах российских ученых (Л. М. Алексеева, Н. Д. Арутюнова, С. Л. Мишланова, М. В. Телия, А. П. Чудинов и др.). Как отмечает Л. М. Алексеева, общая теория метафоры трактует метафоризацию как «...изоморфный процесс, имеющий место во многих типах коммуникации» [Алексеева 1988: 14]. Изучая терминопорождение как метафорический процесс, исследователь выдвигает тезис о том, что «...метафора в функции терминологической единицы является не конечным продуктом речевой деятельности или неким эффективным экспрессивным средством, а составляет основу процесса индивидуального научного творчества...» [Алексеева 1988: 17]. В рамках нашего исследования важно, что механизм метафоры, как некая ментальная сущность, интегрирован в механизм текстопорождения.

В работе мы проанализируем метафору с зооморфным компонентом на материале политических текстов медийного жанра.

Зооморфная метафора является результатом творческого осмысления языковой личностью анималистических номинаций с целью достижения определенного прагматического коммуникативного эффекта.

Мы опираемся в работе на понятие метафорической модели, предложенное А. П. Чудиновым: «Метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: „X — это Y“» [Чудинов 2006: 131]. Автор дефиниции подчеркивает, что отношение между компонентами формулы является не прямым отождествлением, а подобием, что и порождает метафору. Среди метафорических политических моделей А. П. Чудинов называет следующую: «политик — это представитель животного мира», что позволяет говорить о зооморфной политической метафоре. Именно эту метафорическую модель мы будем рассматривать в нашей работе.

Зооморфная метафора является предметом рассмотрения О. И. Агафоновой, Э. В. Будаева и В. В. Тихонова, которые отмечают пейоративный потенциал данного типа метафорической модели в современном политическом дискурсе. Изучая зооморфную метафору как инструмент концептуализации

сирийского конфликта в российской и американской прессе, авторы приходят к выводу, что инвентарь образов в сфере-источнике может совпадать, но в сфере-мишени возможны как сходства, так и различия, что объясняется различием в мотивации, в оценках иноязычных коммуникантов в случае кризисной экстралингвистической ситуации [Будавев, Тихонов 2016].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Переходим к анализу процесса транскультурной модификации модели зооморфной метафоры из русской лингвокультуры в китайскую.

В качестве материала для анализа мы использовали современный медийный дискурс и обратили внимание на зооморфную метафору, представленную моделью «политик — это животное», «политик-милитарист — это ястреб».

Прежде чем изучать особенности транскультурной модификации метафорической модели, обратимся к символическим представлениям, связанным с номинацией *ястреб* в контексте моноязычной культуры.

Еще в египетской цивилизации ястреб являлся символом власти. В настоящее время во многих культурах, включая французскую, британскую, японскую, принадлежность к «ястребам» означает стратегию эскалации военных действий. При этом лексемы *ястреб* и *сокол* с точки зрения символики не разграничиваются в этих языках. Более того, во французском языке для их обозначения используется одна и та же лексема: *faucon*. Так, согласно франкоязычным СМИ, одна из воинствующих организаций в Палестине называется *Faucons du Fatah*. В то же время в политическом дискурсе многих стран *ястребам* противопоставлены *голуби* как символы мира. Это касается и Китая.

При передаче названий птиц, исследованием которых занимается орнитонимия, особое значение принадлежит национально-культурной символике. Так, если в русской культуре *ястреб*, *орел*, *сокол* наделены символическим значением гордой хищной птицы, что используется в качестве домена-источника в процессе метафоризации, то в китайской культуре они не обладают подобной символикой.

В работе Цуй Лулу сравнивается символика птицы *сокол* в русской и китайской лингвокультурах. Для носителей русского языка сокол символизирует удалого, бравого молодого человека, воодушевленного своими достижениями и победами. Для носителей китайского языка *сокол* означает зверство и жестокость, т. е. характеризует отрицатель-

ные качества. В связи с тем, что его ассоциативный ряд включает слова *охота* и *собака*, в китайском языке появляется дополнительное значение — *прихвостень*, чего нет в русском языке, хотя соколиная охота была распространена и у русских [Цуй Лулу 2021].

Метафора «политик-милитарист — это ястреб» широко употребляется в современном политическом дискурсе. Она имеет долгую политическую историю. Данная метафора появилась в США в конце XVIII в. С тех пор сравнение с этой хищной птицей используется для оценки политической деятельности не только американских деятелей, к числу которых относятся представители Республиканской партии, но и многих других. В современном политическом дискурсе с помощью метафоры с зооморфным компонентом *ястреб* описывают таких политических деятелей, как Д. Трамп, Х. Клинтон, Дж. Кеннеди, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Т. Блэр и др.

В настоящее время эта метафора используется и в российском политическом дискурсе. Приведем примеры, представленные в сообщениях РИА «Новости» от 20 февраля 2023 г. в оригинале и переводе на китайский язык.

1. *Джо Байден совершил визит на Украину для раскручивания глобального конфликта; неожиданный визит Байдена в Киев прямо сейчас: сумасшедшие «ястребы» вокруг него действительно хотят третьей мировой войны.*

拜登访问乌克兰，加剧全球冲突；拜登突访基辅：他周围疯狂的鹰派加速第三次世界大战。

2. *Почему послание президента разочарует «ястребов»?*

为什么总统的讲话会让鹰派失望？

Обратимся к лингвопереводческому анализу процесса транскультурной модификации модели зооморфной метафоры. Согласно данным словаря Хайси, для обозначения *ястреба* в китайской политике используют два иероглифа: *鹰派*, что обозначает *военные ястребы*. Но если рассматривать каждый иероглиф отдельно, то первый *鹰* имеет следующие значения: *ястреб*, *орел*, *сокол*, *коршун*. Таким образом, китайский переводчик, выбирая этот иероглиф, не задумывается о том, какая номинация послужила сферой-источником для метафоризации. Второй иероглиф *派* имеет такие словарные значения: *фракция*, *секта*, *клан*, *партия*, *группа*, *школа*. Как видим, в китайском языке существует несколько дополнительных значений для обозначения политика, ориентированного на применение жесткой военной силы. При этом общее значение можно выразить двумя русскими лексемами, или кол-

локацией: *военный ястреб*, в связи с чем мы констатируем в китайском языке приращение смыслов, что приводит к полной реметафоризации и гармоничному переводу. Ясно, что метафора *военный ястреб* не является вновь созданной, но она сохраняет исходный метафорический образ, что положительно влияет на развертывание политического дискурса в принимающей лингвокультуре.

Обратимся к анализу другой метафорической модели с зооморфным компонентом. Материалом для анализа послужила статья А. Кузнецова, опубликованная в журнале «Дилетант» [Кузнецов 2020].

Приведем фрагмент оригинала, содержащий три зооморфные метафоры.

В 1612 году под надменным игом поляков, кровью сочилась и умирала израненная Русь. Все пророчило ей гибель. Москва была взята, и уже в Варшаве, как коршун ждет добычи, ждал Мономахова венца чуждый Руси иноплеменный царь. Но пока поляки пировали победу в Москве, — в Нижнем Новгороде кликнул могучий русский клич Козьма Минин, простой званием, великий сердцем человек. И как слетаются орлы, слетелась Русь на его орлиный клет, и встала как один человек, и разбила позорные цепи, и с позором прогнала надменного врага [Кузнецов 2020: 59].

В отличие от предыдущей модели, в данном случае речь идет не об устоявшейся метафоре, но об окказиональной метафорической модели с зооморфным компонентом, которая является результатом творческого переосмысления событий, имевших место в истории России.

Но мы вновь встречаемся с теми же образами: *коршун*, *орел*, а также *орлиный клет*, что соотносится с двумя фреймами, свойственными зооморфной метафоре. При характеристике фреймов мы опираемся на классификацию метафорических моделей, представленную в цитированной выше статье Э. В. Будаева и В. В. Тихонова, и констатируем, что в первых двух метафорах используется фрейм «состав царства животных», в третьей метафоре реализуется фрейм «действия животных».

Данный фрагмент на китайском языке выглядит так:

1612年, 在波兰人的傲慢枷锁下, 罗斯因受伤而死去。一切都预示着她的死亡。莫斯科已被占领, 而华沙已经像一只秃鹫, 等待着猎物, 这个对罗斯来说陌生的外国沙皇等待着莫诺马赫的王冠。但是, 当波兰人在莫斯科享受胜利的同时, 在下诺夫哥罗德一个不屈的罗斯人科兹马米宁发出号召, 他出身地位, 但内心强大。并且像鹰群聚集一样, 整个罗斯在他的鹰鸣声中一呼百应

, 像一个站起来的身躯, 打破了可耻的枷锁, 带着耻辱赶走了傲慢的敌人。

Сопоставив оригинал и перевод данного фрагмента, а также обратившись к лексикографическим источникам, приходим к следующим выводам.

Метафорическая номинация с зооморфным компонентом *коршун* в китайском языке выражена так: 秃鹫, что в обратном переводе означает *гриф*. Для носителей китайской культуры *гриф* символизирует птицу, которая ждет смерти других животных, кроме того, он часто является антитезой хитрости. В то же время, согласно Русско-китайскому словарю Хайси, *коршун* переводится как 鸱, так как считается одним из видов орлов. Переводчик заменил одну номинацию на другую, аналогичную исходной, что усиливает семантику агрессивности номинации оригинала, придавая ему дополнительную коннотацию. Мы считаем, что в данном случае произошла полная реметафоризация и выполнен гармоничный перевод с русского языка на китайский.

Рассмотрим перевод слова «орлы». 鹰群 в обратном переводе означает *стая орлов*, так как в китайском языке отсутствуют маркеры множественного числа: первый иероглиф 鹰 означает *орел*, второй иероглиф 群 переводится как *стая*.

В китайском языке *орел* символизирует смелость и военную победу. В данном случае также имеет место полная реметафоризация.

Русскоязычная коллокация *орлиный клет* переводится на китайский так: 鹰鸣声, что в обратном переводе означает *крик орла*. Мы считаем, что метафорический образ ослабевает при переводе, что приводит к нейтрализации метафорических смыслов и что мы относим к адекватному переводу.

В рамках данной статьи были представлены примеры полной реметафоризации и нейтрализации метафорических смыслов. В целом проанализированный материал показывает, что возможно проявление частичной реметафоризации в тех случаях, когда метафорический образ создается переводчиком в метатексте. Случаев деметафоризации мы не наблюдали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая сказанное, подчеркнем, что исследование политической метафоры в пространстве русско-китайской лингвокультуры является перспективным направлением в области межкультурной и межъязыковой метафорологии, политической лингвистики, теории перевода, теории изучения русского

языка как иностранного и китайского языка как иностранного.

Как показало наше исследование, в процессе транскультурной модификации метафорических смыслов из русской культуры в китайскую возможны различные уровни воссоздания метафорических образов, придающих высказыванию определенное прагматическое значение. В случае полной реметафоризации происходит порождение гармоничного перевода, который характеризуется соразмерностью метафорических смыслов в дискурсах оригинала и перевода. Это означает, что потенциальный читатель легко и естественно воспринимает перевод. При частичной реметафоризации перевод признается эквивалентным, а при нейтрализации метафорических смыслов перевод признается адекватным. С нашей точки зрения, эквивалентный и адекватный перевод теряют некоторые исходные метафорические смыслы, что ослабляет прагматический эффект переводного дискурса и может быть компенсировано за счет других языковых единиц, выражающих языковую и политическую картину мира коммуникантов.

ИСТОЧНИКИ

1. Кузнецов, А. «Да скифы мы...», или Дело о копейном чайнике / А. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Дилетант. — 2020. — № 55. — С. 56–59.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева, Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. — Пермь : Изд-во Пермского университета, 1998. — 250 с. — Текст : непосредственный.
- Агафонова, О. И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе / О. И. Агафонова. — Текст : непосредственный // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2011. — № 6. — С. 82–88.
- Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. — 1997. — Т. 56. — № 1.
- Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с. — Текст : непосредственный.
- Будаев, Э. В. Зооморфная метафора как инструмент концептуализации сирийского конфликта в США и России / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2. — С. 43–49.
- Виноградов, С. И. Слово в парламентской речи и культуре общения / С. И. Виноградов. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 1993. — № 2. — С. 50–55; № 3. — С. 36–41; № 4. — С. 36–44.
- Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : [б. и.], 1986. — 416 с. — Текст : непосредственный.
- Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17–33.
- Кушнина, Л. В. Гипотеза о формировании и динамическом развитии переводческого пространства / Л. В. Кушнина. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского университета. — 2003. — С. 144–149.
- Кушнина, Л. В. Синергетическая концепция переводческого пространства / Л. В. Кушнина. — Текст : непосредственный // Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология / под ред. Л. В. Кушнина. — Москва : Флинта, 2020. — С. 133–150.
- Линь, Сюе. Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе / Линь Сюе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5. — С. 177–184.
- Цуй, Лулу. Символика птицы в русской и китайской лингвокультурах / Цуй Лулу. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 4. — Вып. 11. — С. 3600–3605.
- Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
- Шапочкин, Д. В. Политический дискурс. Когнитивный аспект / Д. В. Шапочкин. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. — 260 с. — Текст : непосредственный.
- Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

7. 海词俄汉词典 = Русско-китайский словарь Хайси — URL: <http://dict.cn/ru/%D0%BA%C3%B3%D1%80%D1%88%D1%83%D0%BD> (дата обращения: 27.02.2023). — Текст : электронный.

MATERIALS

1. Kuznetsov A. (2020). “Da, skify my...” ili delo o kopechnom chainike. *Diletant*, 55, 56–59. (In Russ.)

REFERENCES

- Alekseeva, L. M. (1998). *Termin i metafora* [Term and metaphor]. Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 250 p. (In Russ.)
- Agafonova, O. I. (2011). Upotreblenie metafor s zoomorfnyim komponentom v angloyazychnom politicheskom diskurse [The Application of Animal Morphological Metaphor in English Political Discourse]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* [Issues of journalism, pedagogy, linguistics], 6, 82–88. (In Russ.)
- Baranov, A. N., & Dobrovolskiy, D. O. (1997). Postulaty kognitivnoy semantiki [Postulates of cognitive semantics]. *Izvestiya Akademii nauk. Ser. lit. i yaz.*, 56(1). (In Russ.)
- Baranov, A. N., & Karaulov, Yu. N. (1994). *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partnery, 330 p. (In Russ.)
- Budaev, E. V., & Tikhonov, V. V. (2016). Zoomorfnyaya metafora kak instrument kontseptualizatsii siriyaskogo konflikta v SShA i Rossii [Zoomorphic metaphor as a tool for conceptualizing the Syrian conflict in the US and Russia]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2, 43–49. (In Russ.)
- Vinogradov, S. I. (1993). Slovo v parlamentskoy rechi i kulture obshcheniya [Word in parliamentary speech and culture of communication]. *Russkaya rech'*, 2, pp. 50–55, 3, pp. 36–41, 4, pp. 36–44. (In Russ.)
- Vlakhov, S., & Florin, S. (1986). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, 416 p. (In Russ.)
- Dem'yankov, V. Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy yazykoznanija*, 4, 17–33. (In Russ.)
- Kushnina, L. V. (2003). Gipoteza o formirovani i dinamicheskom razvitii perevodcheskogo prostranstva [Hypothesis about the formation and dynamic development of the translation space]. *Vestnik Tyumenskogo universiteta* [Bulletin of the Tyumen University], 144–149. (In Russ.)
- Kushnina, L. V. (2020). Sinergeticheskaya kontseptsiya perevodcheskogo prostranstva [Synergetic concept of translation space]. In L. V. Kushnina (Ed.), *Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoy issledovatel'skoy paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya* [Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology] (pp. 133–150). Moscow: Flinta. (In Russ.)
- Lin', Syue. (2019). Russkiy «medved'» i kitayskiy «lun»: zoometafora v russkom i kitayskom politicheskom diskurse [“Bear” in Russia and “Moon” in China: Animal Metaphor in

Russian and Chinese Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 5, 177–184. (In Russ.)

13. Tsuy, Lulu. (2021). Simvolika ptitsy v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh [Bird Symbols in Russian and Chinese Languages and Cultures]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 4(11), 3600–3605. (In Russ.)

14. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka [Science], 256 p. (In Russ.)

15. Shapochkin, D. V. (2012). *Politicheskij diskurs. Kognitivnyy aspekt* [Political discourse. Cognitive aspect]. Tyumen': Izd-vo TyumGU [Tyumen State University], 260 p. (In Russ.)

16. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 326 p. (In Russ.)

INTERNET RESOURCES

17. 海词俄汉词典 = *Haici Russian-Chinese dictionary*. Retrieved Feb. 27, 2023, from <http://dict.cn/ru/%D0%BA%C3%B3%D1%80%D1%88%D1%83%D0%BD> (In Chinese)